

БУКЕР ВАШИНГТОН

ВОССТАВАЯ

— ИЗ —

РАБСТВА

история свободы,
рассказанная бывшим рабом

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Быть человеком. История борьбы за свободу

Букер Т. Вашингтон

**Восставая из рабства.
История свободы,
рассказанная бывшим рабом**

«ЭКСМО»

1901

УДК 94(73)
ББК 63.3(7Сое)

Вашингтон Б.

Восставая из рабства. История свободы, рассказанная бывшим рабом / Б. Вашингтон — «Эксмо», 1901 — (Быть человеком. История борьбы за свободу)

ISBN 978-5-04-174163-1

С чего началась борьба темнокожих рабов в Америке за право быть свободными и называть себя людьми? Как она превратилась в BLM-движение? Через что пришлось пройти на пути из трюмов невольничьих кораблей на трибуны Парламента? Американский классик, писатель, политик, просветитель и бывший раб Букер Т. Вашингтон рассказывает на страницах книги историю первых дней борьбы темнокожих за свои права. О том, как погибали невольники в трюмах кораблей, о жестоких пытках, невероятных побегах и создании системы «Подземная железная дорога», благодаря которой сотни рабов сумели сбежать от своих хозяев. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(73)
ББК 63.3(7Сое)

ISBN 978-5-04-174163-1

© Вашингтон Б., 1901
© Эксмо, 1901

Содержание

Предисловие	6
Часть I	9
Глава I	9
Глава II	19
Глава III	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Букер Вашингтон
Восставая из рабства

*История свободы,
рассказанная бывшим рабом*

Составление, перевод, комментарии, вступительная статья – Шулико Г. А.

© Г. Шулико, перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Предисловие

Их университеты: Букер Вашингтон

Любое более или менее крупное общественно-политическое движение в какой-то период своего развития переживает конфликт поколений. Отцы-основатели, с самого начала стоявшие у истоков движения, оказываются приспособленцами в глазах представителей нового поколения теоретиков и активистов. Сложно сказать заранее, насколько справедливы эти нападки в каждом конкретном случае.

С одной стороны, за то время, пока основатели были у руля, движение могло приблизиться к выполнению поставленных целей, начать влиять на жизнь общества в соответствии с декларируемыми движением ценностями – и отказ от каких-то наиболее радикальных планов может оппортунистически представляться оправданным шагом для сохранения и преумножения уже полученных результатов. При таком раскладе ревизионистами оказываются основатели движения, а «молодежь», несколько парадоксальным образом, выступает в качестве ортодоксального хранителя традиционных идеалов движения.

С другой же – вполне может оказаться так, что цели и задачи, некогда заявленные старшими товарищами, уже не вполне выдерживают проверку *Zeitgeist*: то, что казалось прогрессивным и даже радикальным 20, 30, 40 лет назад, сегодня вполне может выглядеть как нечто реакционное и остро нуждающееся в обновлении. В этом случае ревизионистами оказываются представители молодого поколения, борющиеся против засилья авторитета отцов-основателей движения.

Своеобразным олицетворением этих противоречий в истории движения чернокожего населения США за гражданские права стала фигура Букера Т. Вашингтона (1856–1915), чья подвижническая деятельность в качестве просветителя, писателя и политика была у истоков движения. Родившийся, по его собственным словам, в 1958 или 1959 году в штате Виргиния от внебрачной связи чернокожей рабыни, бывшей кухаркой в доме плантатора, и некоего белого фермера, Букер был вынужден подниматься с самых низов. Получение свободы по итогам Гражданской войны, переезд с плантации, работа на соляных приисках и обучение грамоте в перерывах между сменами – Букер использовал любую из тех немногих возможностей, которые были готовы предоставить черному человеку южные штаты периода Реконструкции.

Получив сначала среднее, а потом – после работы в угольной шахте – и высшее педагогическое образование в Хэмптонской сельскохозяйственной и промышленной школе (специальном учебном заведении для бывших черных рабов), Вашингтон в 1881 году, по протекции главы школы С. Ч. Армстронга, был рекомендован в качестве организатора учебного процесса в Индустриальный педагогический институт для черных в Таскиги. Этот институт стал главным детищем всей жизни Вашингтона. Приняв в свое распоряжение, по сути, старую лачугу, Букер занялся поиском средств на развитие института и его организацией. Мир не без добрых людей, и, благодаря своим контактам по Хэмптону, Вашингтону удалось найти деньги для выкупа земли под здания института. Однако для строительства корпусов по-прежнему нужны были деньги, и в какой-то момент Вашингтон был вынужден организовать своеобразное благотворительное турне по Штатам в надежде найти попечителей и спонсоров для его института. Затея обернулась успехом: меценаты были найдены, а Букер Вашингтон получил известность как голос черной Америки.

18 сентября 1895 года произошло, пожалуй, самое значимое событие в жизни Вашингтона – его речь на открытии хлопковой ярмарки и международной выставки в Атланте (штат Джорджия). Это проповедь, обращенная к белым работодателям с просьбой предоставить работу тысячам и тысячам безработных афроамериканцев, уважив тем самым их право на

труд. Благородный призыв – учитывая ту нищету, в которой прозябали недавние рабы в южных штатах, – Вашингтон сопровождает выражением готовности идти на уступки в социальных вопросах:

«Самые мудрые представители моей расы понимают, что пропаганда вопросов социального равенства – это величайшая глупость и прогресс должен происходить постепенно, а не путем принуждения. Ни одна раса, которая может внести хоть какой-то вклад в развитие мировых рынков, не должна подвергаться остракизму. Важно и правильно, чтобы мы получили все привилегии обычных граждан, но гораздо важнее, чтобы мы умели ими пользоваться. Возможность заработать доллар на фабрике сейчас стоит бесконечно больше, чем возможность потратить его в оперном театре» («Восставая из рабства», глава XIV).

Именно этот момент речи, где Вашингтон фактически связал будущее всего чернокожего населения Соединенных Штатов с тем, насколько успешно оно впишется в мировые рынки, тогда как равный доступ к культурной жизни общества представил как нечто второстепенное с расовой точки зрения, стал своего рода Рубиконом. Для более радикальных сторонников движения за гражданские права речь Вашингтона стала приглашением чернокожего населения к компромиссу, причем компромиссу постыдному: белые дают возможность черным получать среднее и профессиональное образование (о высшем Вашингтон предпочитает не говорить), чтобы затем черные могли реализовать полученные в средней школе и техучилищах навыки на низкооплачиваемой, но гарантированной работе. Неудивительно, что после этой речи даже некоторые демократы (в те времена американские демократы были большими сторонниками сегрегации, нежели республиканцы) приветствовали речь Вашингтона как пример черной гражданской сознательности, тогда как радикальные активисты, спустя несколько лет после этого объединившиеся вокруг У. Э. Б. Дюбуа в Национальную ассоциацию содействию прогрессу цветного населения (НААСР), видели в Вашингтоне худшее проявление терпимости в духе «дяди Тома».

Что еще хуже, в этой же речи Вашингтон подарил всем сторонникам расовой сегрегации красочный образ разделенной Америки: «Во всем, что является сугубо социальным, мы можем быть разделены, как пальцы, и быть едины, как ладонь, во всем, что существенно для общего прогресса». Вашингтон верил, что равенство между черными и белыми возможно лишь в результате добровольного отказа белых от своих расовых и тесно связанных с расовыми социальных и политических привилегий, с одной стороны, и терпеливом ожидании этого момента со стороны черных – с другой. Насколько сознательны и благодушны должны быть белые? Насколько не менее сознательны и при этом столь же терпимы должны быть черные? Ровно год спустя после речи Вашингтона, 22–24 сентября 1906 года, по Атланте прокатилась серия расовых погромов, в ходе которых пострадали десятки чернокожих, – злые языки охарактеризовали это событие как «злбно-ироничный комментарий к речи мистера Вашингтона».

Впрочем, несмотря на голоса критиков (недостаточно громкие в тот исторический момент), можно сказать, что аккомодационная (оппортунистическая, приспособленческая) стратегия Вашингтона приносила свои плоды. Слава Букера распространилась на все Соединенные Штаты; обретя дружеские и деловые контакты с целым рядом таких обеспеченных и влиятельных представителей белой элиты, как Эндрю Карнеги, Вильям Тафт и Джон Дэвидсон Рокфеллер, Вашингтон смог добиться того, чтобы его институт в Таскиги ни в чем не нуждался. Несмотря на то что в Таскиги не преподавались классические академические программы (что также ставилось в вину Вашингтону его черными критиками), институт позволял раскрыться многим черным талантам на ниве прикладных естественных и сельскохозяйственных наук (самым известным ученым, на протяжении полувека работавшим в институте и преподававшим в нем, стал ботаник, миколог и химик Д. В. Карвер).

Букер Т. Вашингтон умер на посту директора Института Таскиги в 1915 году, оставив после себя достаточно неоднозначный след в памяти потомков – впрочем, как и прак-

тически любая другая мало-мальски значимая фигура в истории. Благодаря представленным в данном издании переводам автобиографии Вашингтона «Восставая из рабства» (Up from Slavery), впервые изданной на языке оригинала в 1901 году, и небольшого очерка «История рабства» (The Story of Slavery), впервые изданного в 1913 году, отечественный читатель получает возможность лично прикоснуться к предтечам американского движения за гражданские права среди черных – без знакомства с которыми понимание сути общественного движения американских чернокожих как в двадцатом (Мартин Лютер Кинг, «Черные пантеры»), так и в двадцать первом веке (Black Lives Matter) представляется малодостижимым, если не невозможным.

*Кандидат философских наук
Г. Шулико*

Часть I

История рабства, рассказанная бывшим рабом

Глава I

От первого до последнего торгового судна с рабами

В августе 1619 года неизвестное судно появилось в порту на реке Джеймс, ныне это штат Вирджиния. Войдя с приливом, оно бросило якорь напротив небольшого поселения Джеймстаун. Корабль напоминал военный, но шел под мирным флагом торгового судна. Среди прочего товара на нем привезли двадцать темнокожих рабов.

В истории Соединенных Штатов это было первое торговое судно с рабами на борту, по крайней мере, из тех, о которых сохранились сведения в официальных документах. Однако двадцать африканцев не были первыми рабами. Торговля людьми велась и раньше. Темнокожие невольники существовали еще в Древней Греции и Риме, а в Европе живой товар продавался с 990 года.

В 1442 году португальские корабли причалили к берегам Африки, чтобы сбыть свой груз. Африканцы расплатились с торговцами золотом и несколькими рабами, которых португальцы впоследствии привезли в Европу. Примерно в это же время испанские купцы из Севильи начали поставлять золото и рабов из Западной Африки. В подтверждение масштабов этой торговли сохранилось интересное письмо, адресованное в 1474 году знаменитому Хуану де Вальядолиду, которого прозвали «темнокожим графом». Письмо это не только дает представление о масштабах работорговли, но и повествует о том, как обращались с невольниками.

За все услуги, которые ты оказывал и продолжаешь оказывать каждый день, а также за твой добрый нрав и любовь к справедливости мы назначаем тебя начальником и судьей всех темнокожих и мулатов, свободных или рабов, которые только есть в благородном городе Севилье и во всем его архиепископстве. Упомянутые темнокожие и мулаты не могут устраивать никаких празднеств или состязаний между собой без твоего, Хуан де Вальядолид, одобрения и утверждения, ведь засим повелеваешь темнокожими и мулатами только ты... И мы постановляем, что ты, и только ты, в праве разбирать споры и тяжбы, благословлять на браки и другие дела, которые могут случиться. По нашему усмотрению, ты являешься лицом, достойным этой должности, осведомленным о законах и постановлениях, которых следует придерживаться, а также нам сообщили, что ты принадлежишь к знатному африканскому роду¹.

Письмо подписано Фердинандом² и Изабеллой, королем и королевой Испании.

¹ Независимая черная колония внутри белого государства по своей организации напоминает то, что в свое время существовало в Коннектикуте. Там работала организация с председателем, судьей и другими должностями, которая разбирала мелкие правонарушения рабов. Таким образом, рабы Коннектикута получили орган самоуправления задолго до того, как в Штатах задумались об отмене рабства. Эта организация, по-видимому, существовала по принципу совета старейшин, которые действовали с согласия своих хозяев, в условиях полного уважения и принятия со стороны молодых рабов. – *Прим. авт.*

² Фердинанд II Арагонский, Фердинанд Католик (1452–1516) – король Кастилии (как Фернандо V), Арагона (как Фернандо II), Сицилии и Неаполя (как Ферранте III). Супруг и соправитель королевы Изабеллы Кастильской. – *Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.*

Прибыв в Америку, испанские мореплаватели и искатели приключений привезли с собой множество темнокожих в качестве слуг и рабов. Вполне вероятно, что некоторые из них были отправлены в Вест-Индию уже в 1501 году. Вскоре после этой даты, как показывает письмо короля Фердинанда от 15 сентября 1505 года, довольно много невольников было ввезено в Санто-Доминго. В письме есть следующая строка:

Я пришлю вам больше темнокожих, как вы и просили. Полагаю, сотни рабов будет достаточно.

Отсюда и берет начало африканское рабство в Америке. Это послание было написано за столетие до появления торгового судна с двадцатью рабами на борту в Джеймстауне, штат Вирджиния.

Есть исторические свидетельства о том, что темнокожие в 1516 году работали с Бальбоа³ на Панамском перешейке. У завоевателя Перу Писарро⁴ и доминиканского епископа и миссионера Лас Касаса⁵ также были темнокожие телохранители.

Темнокожие сопровождали Васкеса де Айльона⁶, Коронадо⁷ и Эрнандо де Сото⁸. В печально известной экспедиции Нарваэса⁹ участвовал темнокожий Эстебан – в английском варианте его имя звучит как Стивен. В течение одиннадцати лет, с 1528-го по год своей смерти, 1539-й, он вместе с испанскими завоевателями исследовал Северную Америку. Эстебан прошел сотни миль по юго-западной части США, впрочем, это происходило в те времена, когда еще никаких Соединенных Штатов не было и в помине. Он был рабом некоего испанского исследователя, уцелевшего в экспедиции Нарваэса. Эстебан, который, по всей видимости, был человеком высокого роста, спустя более трех столетий после своей смерти упоминается в одной из народных сказок индейцев зуни. Один известный историк назвал его первооткрывателем Аризоны.

Согласно испанскому историку Овьедо¹⁰, темнокожие присутствовали среди первооселенцев испанской колонии Чикора в 1526 году на территории нынешнего побережья Южной Каролины. Это первое документально подтвержденное появление темнокожего человека на материке. В 1526 году под началом Васкеса де Айльона, за восемьдесят один год до англичан,

³ Васко Нуньес де Бальбоа (ок. 1475–1517) – испанский конкистадор, который основал первый европейский город на южноамериканском континенте, первым из европейцев пересек Панамский перешеек и достиг берега Тихого океана.

⁴ Франсиско Писарро-и-Гонсалес (1476–1541) – испанский конкистадор, завоеватель империи инков, основатель города Лима.

⁵ Бартоломе де Лас Касас (1474–1566) – испанский священник-доминиканец, первый постоянный епископ Чьяпаса и историк Нового Света. Прославился протестами против зверств в отношении коренного населения Америки со стороны испанских колонистов. Считается одним из первых борцов за права человека в истории.

⁶ Лукас Васкес де Айльон (1480–1526) – испанский судья и исследователь. В 1526 году основал недолговечную колонию Сан-Мигель-де-Гвальдапе, что стало одной из первых попыток поселения европейцев на территории нынешних Соединенных Штатов.

⁷ Франсиско Васкес де Коронадо (1510–1547 или 1554) – испанский путешественник и конкистадор, первый европеец, в поисках баснословных семи городов Сиволы посетивший юго-запад современных США и открывший среди прочего Скалистые горы и Большой каньон.

⁸ Эрнандо де Сото (ок. 1498–1542) – испанский мореплаватель и конкистадор, который возглавил первую завоевательную экспедицию европейцев к северу от Мексики, в глубь территории современных Соединенных Штатов. Первый европеец, пересекший реку Миссисипи и оставивший документальное подтверждение этого.

⁹ Панфило де Нарваэс (ок. 1473–1528) – испанский конкистадор. Участвовал в походе на Ямайку в 1510 году, а также в завоевании Кубы испанцами в 1511–1512 годах. Возглавил военную экспедицию в северо-западную Флориду в поисках золота, которая потерпела фиаско.

¹⁰ Гонсало Фернандес де Овьедо-и-Вальдес (1478–1557) – испанский историк и писатель, чиновник, натуралист и этнограф.

испанцы попытались основать поселение на реке Джеймс. Это место расположено недалеко от нынешнего Джеймстауна, штат Вирджиния. В строительстве первых домов принимали активное участие темнокожие рабы.

Восстание темнокожих рабочих и смерть Айльона послужили причинами неудачи этого предприятия. Африканские невольники сопровождали экспедицию де Сото во Флориду в 1539 году. Педро Менендес¹¹ поселил рабов в Сент-Огастине, Флорида, в 1565 году. Это были испанские невольники, которых обучали ремеслу и обработке земли, и они отличались от тех, кого привозили прямо из Африки¹².

Почти ничего не известно о судьбе корабля, который в 1619 году доставил первых рабов в поселение Джеймстаун. В истории даже не осталось названия этого судна. Впрочем, многие исследователи отмечают любопытный факт: «Мэйфлауэр»¹³ посеял первые семена гражданской и религиозной свободы в Америке в 1620-м, на год позже появления на материке африканских невольников. Таким образом, американское рабство на год старше американской независимости.

Изучая раннюю историю Соединенных Штатов, я был впечатлен тем, насколько сильно религиозные войны между европейскими странами повлияли на заселение Америки. Первые тринадцать штатов были заселены в основном благодаря беженцам из Европы, скрывавшимся от преследований на религиозной почве. Территорию по крайней мере трех штатов – Массачусетса, Пенсильвании и Мэриленда – начали осваивать последователи порицаемых религиозных течений. Эти люди пересекли океан, чтобы свободно исповедовать свою веру. Шотландцы и ирландцы, широко заселившие южные колонии, в основном покидали свои дома в Ирландии из-за притеснений, которым они подвергались на той же религиозной почве. Северную Каролину, которая одной из первых среди английских колоний разрешила свободу вероисповедания представителям гонимых в Европе религиозных течений, часто называли «колонией квакеров»¹⁴ из-за большого числа прибывших сюда представителей учения. Южная Каролина стала убежищем для гугенотов¹⁵ и кальвинистов¹⁶ из Франции. В качестве иллюстрации довольно мягких преследований, которым подверглись из-за своих религиозных взглядов французы, я могу привести следующий абзац из «Истории Соединенных Штатов» Бэнкрофта:

Гугеноты, таким образом, не должны были больше занимать государственные должности. Они были, насколько это возможно, исключены из гильдий торговцев и промышленников, а кальвинист не имел права жениться на католичке¹⁷.

Примечательно, что в то самое время, когда Европу покидали корабли с жаждущими найти в Америке спасение от религиозных гонений, раздиравших Европу, другие суда отплы-

¹¹ Педро Менендес де Авилес (1519–1574) – испанский конкистадор, адмирал, прославившийся своей борьбой с разбоем на море. Основатель первого постоянного европейского поселения в Северной Америке, первый губернатор испанской Флориды.

¹² Magazine of American History, Vol. 26, pp. 349–366. – *Прим. авт.*

¹³ «Мэйфлауэр» (дословно переводится как «майский цветок», так называют в Англии эпигею) – английское торговое судно, на котором англичане в 1620 году пересекли Атлантический океан и основали Плимутскую колонию, одно из первых британских поселений в Северной Америке.

¹⁴ Квакеры (буквально «трепещущие») – официальное самоназвание религиозного общества. Изначально протестантское христианское движение, возникшее в годы Английской революции (середина XVII века) в Англии и Уэльсе.

¹⁵ Гугеноты – с XVI века так называли французских протестантов-кальвинистов.

¹⁶ Кальвинизм – направление протестантизма, созданное и развитое французским теологом и проповедником Жаном Кальвином.

¹⁷ Bancroft's History of the United States, Vol. II, p. 176. – *Прим. авт.*

вали от берегов Африки, везя на этот континент тех, кто в будущем послужит причиной новых конфликтов. Проблема эта была не менее сложной и противоречивой, чем та, что стояла перед Европой в начале протестантской Реформации¹⁸.

Религиозные противоречия, перенесенные на американскую землю, угасли не сразу. Изучение старых колониальных кодексов показывает, что квакеры и католики испытывали ограничения, которые часто были столь же суровыми, как и те, что налагались на свободных темнокожих до войны. Например, по закону Вирджинии, существовавшему в 1705 году, католикам, индейцам и темнокожим рабам отказывалось в праве выступать «в качестве свидетелей в любом деле, по причине их нехристианских взглядов». Однако это положение было несколько изменено в 1732 году, когда темнокожим, индейцам и мулатам разрешили давать свидетельские показания в судах над рабами¹⁹.

Случилось так, что религиозные предубеждения по отношению к католикам тесно переплелись с расовыми предрассудками против темнокожих. Я имею в виду то, что вошло в историю Нью-Йорка как «Заговор темнокожих 1741 года». В то время распространились слухи о существовании заговора рабов, которых испанские католики якобы подстрекали сжечь город и всех его жителей. Эти домыслы подтверждались письмом, которое генерал Оглторп²⁰ получил из Джорджии. В послании говорилось о том, что Испания наняла несколько католических священников, которые должны были проехать по стране, выдавая себя за врачей, танцмейстеров, «и представителей других подобных профессий», чтобы войти в доверие к семьям и таким образом способствовать осуществлению плана «сжечь все значительные города в английской Северной Америке».

Незадолго до этого было захвачено испанское судно, на котором находились испанские темнокожие. Рабы, утверждавшие, что они являются свободными людьми, были проданы в рабство уже здесь. На одного из невольников пало подозрение в том, что он участвовал в организации заговора. Среди других арестованных присутствовал католический священник, что еще более усугубило ситуацию.

Казалось, эти обстоятельства доказывали причастность католиков к предполагаемому заговору. Как это всегда бывает в случае народных волнений, слухи начали плодиться. Каждая следующая новость только подливала масла в огонь.

Прежде чем все утихло, сто семьдесят восемь человек были арестованы, тридцать шесть – казнены и семьдесят один – изгнан. Среди казненных был католический священник, о котором я уже упоминал. Восемнадцать темнокожих были повешены, а четырнадцать – сожжены. Казни прошли на площади, которая до сих пор называется Боулинг-Грин, – сейчас там расположена Таможенная служба Соединенных Штатов. Сегодня сборщиком налогов здесь работает темнокожий Чарльз Андерсон.

Несмотря на многочисленные «чистосердечные признания» белых и черных арестованных, не было найдено ни одного сколько-нибудь существенного доказательства того, что кто-то собирался поджечь город. Объясняются эти странные тревожения тем, что все происходило в самый разгар салемской охоты на ведьм. Чем обусловлен этот социальный феномен, мне неизвестно. Ситуация с заговором, а также причины прекращения волнений описаны в «Истории Нью-Йорка» Смита:

¹⁸ Реформация – религиозное и общественно-политическое движение в Западной и Центральной Европе XVI – начала XVII века, направленное на реформирование католической церкви.

¹⁹ History of the Negro Race, Williams, Vol. I, p. 129. – *Прим. авт.*

²⁰ Джеймс Эдвард Оглторп (1696–1785) – британский генерал, депутат парламента, основатель колонии Джорджия. Известен как социальный реформатор, автор плана переселения представителей бедных слоев населения Великобритании в Новый Свет.

Все лето продолжались судебные разбирательства. Каждое новое заседание влекло за собой очередные преследования. Любое незначительное совпадение многократно преувеличивалось за счет досужей молвы. Досужие выдумки смешивались со странными косвенными доказательствами. Все это отравляло умы присяжных, а народ требовал крови. В результате свидетельница Мэри, сбитая с толку частыми допросами, совершенно забыла о фактах, упомянутых ею вначале, и стала воспроизводить слухи и домыслы, которые бесконтрольно множились на улицах города²¹.

Я подробно остановился на этих обстоятельствах, так как они показывают, что в прошлом религиозные предрассудки, равно как и расовые, часто служили источником тех диких страхов и предубеждений, которые иногда становятся причиной насилия, учиняемого одним классом над другим.

Представители разных религиозных конфессий с тех пор научились жить бок о бок в мире и согласии. Есть ли какая-нибудь разумная причина, почему белые и темнокожие, которые, в конце концов, довольно хорошо понимают друг друга здесь, в Америке, не должны делать то же самое? Я не думаю, что существуют какие-то причины, которые могут помешать этому.

В 1741 году, в разгар «Заговора темнокожих», население Нью-Йорка составляло десять тысяч человек, из которых две тысячи были цветными. В это время во всей колонии Массачусетс проживало не более трех тысяч рабов. В Пенсильвании в 1754 году их число достигло одиннадцати тысяч, но в некоторых более южных колониях количество невольников, особенно в соотношении с белым населением, было значительно больше. В Южной Каролине, например, на двадцать два темнокожих приходилось двенадцать белых²². Уже к 1740 году в этом штате насчитывалось сорок тысяч рабов.

Несмотря на ограничения, которые время от времени накладывались на работорговлю, этот вид бизнеса процветал вплоть до Американской революции, когда на некоторое время работорговля полностью прекратилась. Как потом выяснилось, это произошло только для того, чтобы после окончания войны торговля живым товаром стала еще более массовым явлением, чем прежде. В начале XIX века Англия держала во всех своих колониях в Новом Свете восемьсот тысяч рабов. Франция имела двести пятьдесят тысяч рабов, Дания – двадцать семь тысяч, Испания и Португалия – шестьсот тысяч, Голландия – пятьдесят тысяч, Швеция – шестьсот тысяч. В Соединенных Штатах насчитывалось около девятисот тысяч рабов, а в Бразилии – около двух миллионов²³.

На меня произвели глубокое впечатление путевые очерки Мунго Парка²⁴ с его рассказами о невольничестве в тех частях Африки, которые он посетил. Его заметки позволили мне понять, как легко и естественно мягкая форма домашнего рабства, которая существовала в этих странах с древнейших времен, под влиянием торговли с европейцами обрела промышленные масштабы. Я также узнал многое об институте рабства в Африке.

Во время своего знаменитого путешествия Парк подсчитал, что соотношение рабов и свободного населения в регионах, через которые он следовал, составляло примерно три к одному. Невольники относились к двум категориям: те, кто родился в этом статусе, и те, кто

²¹ Цитируется по Williams, History of the Negro Race, Vol. I, p. 169. – *Прим. авт.*

²² Bancroft's History of the United States, Vol. II, p. 171. – *Прим. авт.*

²³ Suppression of the Slave Trade, DuBois, p. 131. – *Прим. авт.*

²⁴ Мунго Парк (1771–1806) – шотландский исследователь Центральной Африки. Также совершил два путешествия в Западную Африку.

стал рабом, попав в плен на войне, в результате неплатежеспособности или будучи наказанным за какое-либо преступление.

В то время в Африке были распространены регулярные рынки для покупки и продажи рабов, как впоследствии они существовали в американских городах Александрии и Новом Орлеане. Мунго Парк также отметил следующий интересный факт: в глазах африканского покупателя стоимость невольника возрастала пропорционально его удаленности от места рождения. Когда рабы оказывались всего в нескольких днях пути от своих домов, им часто удавалось сбежать. Если же путь до их родных жилищ лежал через несколько королевств, это затрудняло побег, и они легче примирялись со своим положением.

То же самое и по той же причине происходило и во времена рабства в Америке. Например, с 1820 по 1830 год в Вирджинии рабы продавались по цене от пятидесяти до трехсот долларов за душу, в то время как за этого же невольника в Новом Орлеане могли отдать от восьмисот до тысячи двухсот долларов. Эта разница объяснялась сельскохозяйственными условиями, поскольку в то время трудоспособный раб на сахарной плантации в Луизиане мог заработать для своего хозяина двести долларов в год, и это сверх расходов на его содержание. Разница в цене в значительной степени объяснялась и тем, что в Луизиане раб в обычных условиях был лишен всякой надежды обрести свободу²⁵.

«Рабы, которых покупают европейцы на побережье, – продолжает Мунго Парк, – в основном такого рода (т. е. из внутренних районов. – *Прим. авт.*). Иных приобретают в ходе мелких войн, которые происходят вблизи побережья, но гораздо чаще невольников привозят большими партиями из самых дальних уголков страны, названия которых ничего не скажут европейцу».

В Африке, как впоследствии и в Америке, несклонные к побегу рабы с кротким нравом оставались у своих хозяев навсегда, а тех, кто проявлял недовольство, продавали куда-нибудь в отдаленные регионы. Таким образом, становится понятно, как работорговля внутри страны превратилась в масштабный экспорт живого товара за рубеж. Самых несговорчивых невольников отправляли в Америку.

По пути из сердца страны обратно к побережью Мунго Парк присоединился к каравану купцов, у которых среди прочих товаров были невольники, впоследствии обмененные на европейский ром и табак. Уход за рабами, условия их содержания и способы транспортировки мало чем отличались от тех, которые спустя несколько десятилетий были в ходу в Америке, на одной из старых рабовладельческих дорог, протянувшейся от Александрии, штат Вирджиния, до Натчеза, штат Миссисипи, хотя африканское путешествие было во многих отношениях более трудным²⁶.

Во время долгого и утомительного странствия из сердца Африки к побережью Мунго Парк имел возможность познакомиться со всеми этапами работорговли, в том виде, в каком она тогда существовала. Он подробно рассказал о жизни, мыслях и чувствах несчастных невольников, которых он, казалось, понимал и к которым испытывал сочувствие. Вот как он описывает группу пленников, в какой-то момент присоединившихся к каравану:

Одиннадцать невольников признались мне, что были рабами с младенчества, но двое других отказались рассказать о своей прежней жизни. Все они были очень любознательны, но поначалу смотрели на

²⁵ The Domestic Slave Trade of the Southern States, Winfield N. Collins, pp. 18 and 19. – *Прим. авт.*

²⁶ В своей истории «Работорговля в южных штатах» профессор Уинфилд Коллинз из колледжа Клэрмонта, штат Северная Каролина, отмечает: «Поражает воображение то количество рабов, которое было привезено на Юг и Юго-Запад. По подсчетам газеты *Merivale*, в 1835–1836 годах 60 000 рабов были привезены на Юг. Газета *Virginia Times* заявляла о 120 000 рабов... При перевозке требовались самые суровые меры, чтобы предотвратить попытки побега. Для недельного путешествия рабов сковывали друг с другом цепями, причем за обе руки. – *Прим. авт.*»

меня с недоверием и неоднократно спрашивали, не являются ли мои соотечественники каннибалами. Им очень хотелось знать, какая судьба ожидает рабов после того, как они пересекают соленую воду. Я сказал, что им предстоит заниматься земледелием, но пленники не поверили мне, и один из них простодушно обронил: «Неужели вы ходите по такой же земле, как наша?» Невольники были убеждены в том, что белые покупают рабов для того, чтобы съесть или продать другим каннибалам. Естественно, это заставляло пленников бояться конечного пункта своего путешествия, а продавцам приходилось держать их в кандалах, чтобы пресечь попытку побега.

В другой раз один невольник занемог. Он так плохо себя чувствовал, что уже не мог идти дальше, поэтому торговец обменял его на молодую девушку, принадлежавшую одному из горожан. Парк так описывает этот эпизод:

Бедная девушка не знала о том, что ее судьба решена, до тех пор, пока утром все свертки не были увязаны и повозка не была готова к отъезду. Она пришла вместе с другими посмотреть, как отправляется караван. Хозяин взял ее за руку и передал одному из торговцев. Никогда прежде я не подозревал, что спокойное лицо может столь внезапно исказиться гримасой ужаса, как в момент, когда ей на голову водружали груз и закрепляли на шее веревку. Отчаяние, с которым она прощалась с подругами, произвело на меня неизгладимое впечатление.

Страх африканского раба быть отправленным на невольничьи рынки прибрежных городов похож на тревогу, которая постоянно преследовала невольников в Мэриленде, Вирджинии и других пограничных штатах, ведь рано или поздно любого из них могли продать на Дальний Юг. Самые душераздирающие сцены в жизни рабов на Юге происходили, когда хозяева из-за долгов или других невзгод были вынуждены разлучать семьи и продавать своих людей. Не только разрыв детей с родителями или мужей с женами делал эти сцены горестными, оставляя неизгладимое впечатление, – часто рабам было так же тяжело расставаться с хозяином и членами его семьи, к которым за годы совместной жизни они успели привязаться. Это чувство печали выразилось в словах старой плантаторской песни, родившейся в Вирджинии:

– Мама, масса²⁷ продаст, продаст нас завтра?
– Да, дитя мое! Да, дитя мое! Да, дитя мое!
– Собирается продать нас в Джорджию?
– Да, да, да,
О! Смотри и молись!
– Прощай, мама,
Я должен вас покинуть.
Счастливо оставаться,
Прощай, мама,
Я должен покинуть тебя.

²⁷ Масса – обращение рабов к своим хозяевам. Происходит от *англ.* master – «хозяин, господин», или от *лат.* magister – «главный, начальник», восходящего к *лат.* magnus – «большой, великий».

Прощай!
– О! Смотри и молись!

Караван рабов, к которому был прикреплен Мунго Парк, наконец достиг реки Гамбия, где рабов посадили на корабль и доставили на побережье. В городе сто тридцать человек, из которых около двадцати пяти были свободными и умели читать и писать по-арабски, были отправлены в Америку. Поскольку другого судна не было, Парк сел на корабль с рабами, которых он сопровождал из внутренних районов страны до места их назначения в Америке. Вот что он написал об этом путешествии:

Мои разговоры с пленниками немного утешали их. По правде говоря, люди нуждались в этом. Не то чтобы я наблюдал какие-либо бессмысленные акты жестокости со стороны хозяина или моряков, но условия заключения и содержания рабов на американских невольничьих кораблях заставляли этих несчастных сильно страдать. Вскоре их поразила одинаковая болезнь. Кроме трех человек, умерших в Гамбии, и шести или восьми, погибших на невольничьем рынке, одиннадцать нашли свое последнее пристанище в море, а многие из выживших пребывали в крайней степени истощения.

После 1808 года, когда ввоз рабов из Африки в Соединенные Штаты стал считаться преступлением, условия, в которых велась торговля, еще более ухудшились. В течение следующих сорока лет, прежде чем в 1862 году поставка живого товара в Соединенные Штаты окончательно прекратилась, торговцы обезумели от жестокости по отношению к невольникам. По оценкам самих рабов, которые прибыли из долины реки Нигер, треть пленников погибали, так и не добравшись до побережья, а двадцать процентов умирали от истощения в море. Лишь треть темнокожих, которых сорвали с насиженных мест в Африке, достигали плантаций²⁸.

Иногда людей заманивали на побережье отрезами яркой цветной ткани и силой затаскивали на борт невольничьих кораблей. В других случаях, после того как работорговцы успешно переправляли на корабль партию пленников, они захватывали самих продавцов живого товара, которых в свою очередь угоняли в рабство. Майор Мотон из Хэмптона не раз рассказывал историю, которую ему поведала его бабушка. Его прадеда, молодого африканского вождя, обманом завлекли на борт рабовладельческого корабля и привезли в Америку. Это произошло после того, как он успешно доставил на побережье и сбыв партию невольников, плененных в ходе одной из племенных войн. По окончании сделки его самого пригласили отобедать на борту невольничьего корабля. Ему дали выпить что-то, от чего он уснул. Очнувшись, молодой человек обнаружил себя далеко в море уже не принцем, а одним из тех рабов, которых он сам накануне привел.

²⁸ Писатель, которого цитирует мисс Кингсли (*West African Studies*, p. 511), утверждает, что в среднем на пути из центральных районов страны к невольничьим суднам умирало до 40 процентов рабов. Речь шла о районах близ реки Нигер. Согласно историку Кларксону, именно оттуда было привезено больше рабов, чем из всех других районов западной и юго-западной Африки. «Смерть всегда витала над невольничьим кораблем, – говорит историк Бэнкрофт. – Темнокожие плохо питались в этом путешествии, вынуждены были спать на земле безо всякого укрытия и часто достигали побережья в неблагоприятное время года. Здесь они становились жертвами болезней. На борту начиналась лихорадка, которая усугублялась условиями содержания рабов на борту. Иногда половина или даже две трети пленников на корабле погибали. Из сотни в лучшем случае пятнадцать-двадцать человек достигали берегов Америки. Вряд ли что-то может сравниться с ужасом и отчаянием, которые царят на переполненном рабовладельческом судне во время шторма. Разве что безысходность на том же самом судне, потерявшем курс и нуждающемся в воде и пище: несчастные, оказавшиеся на его борту, страдают под лучами жгучего солнца и бессмысленно мечутся, тщетно пытаясь найти хоть каплю влаги». – *History of the United States*, Vol. III, p. 405. – *Прим. авт.*

Несколько лет назад во время поездки в Мобил, штат Алабама, я посетил небольшую колонию африканцев, которые были потомками живого груза с последнего невольничьего корабля, прибывшего в Соединенные Штаты. В заливе Мобил в последние дни работорговли находился излюбленный порт работорговцев. В верхней части залива, куда через сеть каналов впадают реки Алабама и Томбиги, немало мест, где может укрыться большое судно. На одном из таких кораблей, затерявшемся в переплетении каналов, привезли в Америку большинство жителей этой колонии африканцев.

Там я встретил коренных африканцев, которые до сих пор говорят на старом племенном языке и в какой-то степени сохраняют, как мне сказали, свои древние обычаи. Мне довелось побеседовать с одним из них. Этот человек по-прежнему носил африканское имя – Осси Кибе. Он поведал мне, что его племя – это народ холмов, живший на возвышенностях Дагомеи, в семи днях пути от моря. «Была война – во времена работорговли всегда велась война», – рассказывал он. Однажды ночью их деревню захватили, а всех, кого не убили, погнали к морю и продали.

Когда я спросил старика, думал ли он когда-нибудь о возвращении в Африку, он ответил: «Да, я возвращаюсь туда каждую ночь в своих снах». Встретившись с этим человеком, чьи сны уносили его на родину, я почувствовал, что нашел звено, связывающее жизнь в Африке с новой жизнью в Америке.

Люди, которых я встретил в этом поселении, все же не были последними рабами, привезенными в Соединенные Штаты. Знаменитое судно «Стрэнджер», которое в 1858 году доставило в Джорджию пятьсот рабов, предположительно, в 1860-м привезло еще четыреста двадцать человек. В 1862 году другой корабль преодолел блокаду федеральных судов и высадил невольников в Мобиле. Вверх по реке в отдаленной части заброшенного порта на поверхности воды все еще виднеются части железной конструкции судна «Лоуренс», которое, возможно, было последним кораблем, доставившим рабов в Соединенные Штаты. Корабль сожгли, чтобы он не попал в руки янки во время войны.

В этом поселении есть люди, до сих пор вспоминающие, как они играли на палубе корабля, когда были мальчишками. Подумать только, в Мобиле все еще живут те, кто был привезен сюда в качестве рабов в 1862 году.

Никто никогда не узнает, сколько тысяч африканцев во времена расцвета работорговли было оторваны от своих домов в Африке, сколько из них так и не увидели берегов Америки, а сколько стали рабами. Историки подсчитали, что двести семьдесят тысяч невольников было доставлено в Соединенные Штаты в период с 1808 по 1860 год, с того времени, когда работорговля была юридически отменена, и до того момента, как она практически прекратилась. Учитывая тот факт, что, по другим источникам, в 1858 году в Соединенные Штаты контрабандой было ввезено пятнадцать тысяч рабов, а в другое время за один год только в Техас было переправлено такое же количество человек, эту оценку можно считать сильно заниженной.

Сложно сказать, сколько рабов попало в Вест-Индию и Южную Америку. Эти местности, наравне с Югом Штатов, стали главными покупателями живого товара. Здесь вводились постоянные сборы и доплаты, чтобы поддерживать баланс спроса и предложения.

Досконально изучив отчеты разных историков и исследователей, сделанные во времена работорговли, я пришел к выводу, что число невольников, высаженных на берега Америки, не может быть меньше отметки в двенадцать миллионов. Еще порядка двенадцати миллионов погибли в результате грабежей, которым подвергались сами работорговцы, умерли по пути к побережью или следуя к плантациям. Таким образом, не менее двадцати четырех миллионов человек были либо привезены в Америку в качестве рабов, либо встретили свою смерть по дороге. Я не изучал тщательно цифры европейской эмиграции, но рискну предположить, что с момента открытия Америки и до 1860 года число белых людей, переселившихся из Европы в

Северную и Южную Америку, меньше числа темнокожих, привезенных на рабовладельческих кораблях за тот же период.

Глава II

Первые рабы

Во время недавнего визита в Балтимор, штат Мэриленд, волей случая в мои руки попала факсимильная²⁹ копия старой балтиморской газеты *Maryland Journal*, первый номер которой вышел 20 августа 1773 года. В номере были опубликованы пара новостей и несколько объявлений, которые меня особенно заинтересовали. Одно из них выглядело примерно следующим образом:

Вознаграждение в 10 фунтов

6 июля у владельца, проживающего в 8 милях от Джоппы, в округе Балтимор, пропал ирландский слуга по имени Оуэн Маккэрти. Приметы: возраст около 45 лет, рост – 5 футов 8 дюймов, смуглый цвет лица, длинные черные волосы с сединой, заметный синяк под правым глазом. Ушел в коротком коричневом пальто из дешевой ткани, с подкладкой из красной фланели и с металлическими пуговицами. Также на нем были брюки, заплатанные на коленях, белая рубашка, ношенные сапоги и старая фетровая шляпа. Во время поражения Брэдока³⁰ он был рабом в разных частях Америки и имеет хорошее представление о стране. Тот, кто обнаружит этого слугу и препроводит его к Александру Коуэну или Джону Клейтону, торговцам в Джоппе, или же передаст непосредственно владельцу, получит в качестве вознаграждения за труды и оплаты накладных расходов 5 фунтов, если это произойдет в пределах графства, а если за пределами – 10 фунтов.

Барнард Рейли

Подобно большинству, я и не предполагал о существовании белых рабов. Долгое время в моем сознании слово «рабство» ассоциировалось исключительно с темным цветом кожи. В школе мы изучали, что много веков назад в Англии существовали белые невольники, и в других частях Европы рабство и крепостное право сохранялись очень долго. Помню, где-то я читал историю об отце Грегори, который, увидев красивых английских рабынь, выставленных на продажу в Риме, был настолько впечатлен их печальным положением, что решил выступить с публичным заявлением. Однако все эти события относятся к далекому прошлому. До тех пор пока я не начал изучать этот вопрос, у меня не было ни малейшего представления о том, что в Америке когда-либо покупали и продавали кого-то, кроме индейцев и негров. Однако факт остается фактом: хотя темнокожие невольники были привезены в Джеймстаун всего через двенадцать лет после создания первого поселения, система белого рабства, предшествовавшая черному, существовала очень долго. Большинство работ на плантациях и в других местах сначала выполняли белые невольники, которых привозили из Англии и продавали на рынках наряду с другими товарами. Вот что историк Бэнкрофт пишет по этому поводу:

²⁹ Факсимиле (от *лат.* *fac simile* – *букв.* «делай подобное») – воспроизведение любого графического оригинала – рукописи, рисунка, чертежа, гравюры, подписи, монограммы, – передающее его со всеми подробностями.

³⁰ Поражение Брэдока, или экспедиция Брэдока, – военная кампания британской армии, организованная летом 1755 года, в период франко-индейской войны, и возглавленная генералом Брэдоком. В сражении на подходе к форту Дюкен британская армия понесла тяжелые потери, что стало серьезным ударом для англичан на ранних этапах войны с Францией.

Условное рабство, по договорам или соглашениям, с самого начала существовало в Вирджинии. По отношению к своему хозяину слуга находился в положении должника, обязанного оплачивать право на жизнь путем полного предоставления своих сил на благо кредиторов. Вскоре начались притеснения: людей, которые изначально стоили восемь фунтов, перепродавали уже по сорок, а иногда и по триста. Поставка белых слуг стала хорошим бизнесом, а группа людей, прозванных «демонами», обманывала студентов, слуг и бездельников, уговаривая их отправиться в Америку – страну всеобщего изобилия. Белые слуги превратились в предмет торговли. Их покупали в Англии и увозили в южные штаты, а в Вирджинии сбывали тому, кто больше заплатит. Наравне с темнокожими, их продавали с кораблей, словно лошадей на ярмарке. В 1672 году в колониях средняя цена на белых рабов составляла десять фунтов, тогда как темнокожий стоил двадцать или двадцать пять фунтов³¹.

Известно, что богадельни и тюрьмы были опустошены, чтобы обеспечить рабочими колонии Вирджинии, Южной Каролины и Джорджии. Но не только обездоленные и отверженные попадали в неволю, отправляясь в английские колонии в Америке. Многие из них были политическими заключенными и даже знатными людьми. Тот же историк пишет:

Этот способ обращения с англичанами был настолько обычным, что в качестве рабов в Новую Англию направлялись не только шотландцы, взятые в плен на поле Данбара, – роялисты, захваченные в битве при Вустере, и лидеры восстания в Пенруддоке тоже отправлялись в Америку на невольничьих кораблях.

В те времена в Штатах существовало немало мест, где можно было приобрести ирландского раба. Страна нуждалась в рабочей силе, поэтому страдания этих несчастных по пути к землям Америки были ничуть не меньше тех испытаний, что выпадали на долю невольников на кораблях, идущих из Африки. «Вывоз ирландских католиков, – замечает Бэнкрофт, – был частым явлением и сопровождался ужасами дороги, едва ли уступающими жестокости африканской работорговли». В 1685 году, когда около тысячи заключенных были приговорены к отправке в Новую Англию за участие в восстании Монмута, «влиятельных людей при дворе отправили в рабство как обычных невольников».

Кабальное рабство, существовавшее в английских колониях, имело существенные отличия от других форм невольничества. Первые кабальные слуги были разосланы Лондонской компанией³², той самой, что основала колонию Вирджиния. Не предполагалось, что прислуга будет переходить от одного хозяина к другому, но упадок сельского хозяйства после резни 1622 года, по словам Джеймса Баллаха³³, вынудил плантаторов распродавать живую собственность, и впоследствии «продажа слуг стала очень распространенной практикой – как среди офицеров,

³¹ Bancroft's History of the United States, Vol. I, p. 175. – *Прим. авт.*

³² Лондонская компания – английское акционерное общество XVII века, занимавшееся колонизацией Северной Америки, составная часть Вирджинской компании.

³³ Джеймс Гамильтон Баллах (1832–1920) – американский протестантский миссионер, действовавший в Японии в эпоху Мэйдзи.

так и среди плантаторов». Например, в 1623 году Джордж Сэндис, казначей Вирджинии, был вынужден обменять семь своих последних слуг на сто пятьдесят фунтов табака. Баллах пишет:

Постепенно юридический статус слуги перестал приниматься в расчет, и его стали рассматривать как движимое имущество и часть личной собственности хозяина. Им можно было распоряжаться точно так же, как и остальными вещами. Таким образом, слуга стал учитываться при инвентаризации, и им распоряжались как по завещанию, так и в соответствии с долговыми расписками³⁴.

Одновременно, как в Англии, так и в Вирджинии, развивалась систематическая торговля слугами. Их можно было переправить в Америку, заплатив шесть-восемь фунтов за каждого, и продать там уже за сорок-шестьдесят фунтов. Лондон и Бристоль были главными рынками для сбыта молодых мужчин и женщин судовладельцам, которые перевозили их в Америку и реализовывали. В период с 1650 по 1675 год число таких сделок было огромно, но затем торговля начала сокращаться. В одну только Вирджинию в 1664 году ввезли тысячу пятьсот белых рабов. Говорят, что ежегодно число слуг, отправленных из Англии в колонии и Вест-Индию, достигало пятнадцати тысяч человек.

Для меня было удивительно узнать, что чуть более двух столетий назад англичане продавали пленных, захваченных на полях гражданских войн, точно так же, как африканцы угоняли и продавали людей своей расы. Знание этих фактов помогло мне понять, что, когда в этой стране зародилось черное рабство, положение африканских невольников не было исключительным явлением, каким оно стало впоследствии.

Постепенный переход от рабства белых к рабству черных происходил стихийно и без особых препятствий. Вначале положение белого и темнокожего раба в большинстве случаев не различалось, за исключением того, что один попадал в неволю на определенный срок, а другой – пожизненно. Со временем черное рабство стало все сильнее отличаться. Условия жизни белых невольников постепенно улучшались, а вот существование темнокожих неуклонно менялось к худшему. То же самое, что происходило в Вирджинии, было характерно и для других южных колоний. Наконец, к концу XVIII века, черное рабство почти полностью заменило белое во всех южных штатах.

Говоря о причинах, которые привели к отмене белого рабства в Северной Каролине, доктор Джон Спенсер Бассетт, бывший профессор истории и политологии в Тринити-колледже, штат Северная Каролина, говорит следующее:

После того как все привыкли к черным рабам и стадия адаптации была пройдена, стало очевидно, что черные невольники намного выгоднее белых. Темнокожие были дешевле и неприхотливее, тогда как работать они могли больше. Это был конкурентный рынок, на котором черные победили. Примерно то же происходило и с индийским рабством в Вест-Индии. Люди начали считать аморальным индийское рабство, и на смену ему пришло невольничество из Африки³⁵. Затем сочли неприемлемым белое рабство, и

³⁴ White Servitude in the Colony of Virginia, Johns Hopkins University Studies, p. 44. – *Прим. авт.*

³⁵ Бристоль последним отказался от работорговли, а за 600 лет до этого он являлся центром сбыта живого товара. В то время любой, у кого было больше детей или слуг, чем он мог содержать, приводил их на рыночную площадь в Бристоль. Как пишет историк того времени Уильям из Мальмсбери, в те дни на бристольском рынке нередко можно было увидеть молодых девушек, выставленных для продажи. – *Greene's Short History of the English People, Vol. 1. History for Ready Reference, Larned, Vol. I, p. 317. – Прим. авт.*

белых заменили черные невольники. В каждом случае речь шла о выживании сильнейших. И индийское рабство, и рабство белых должны были уступить превосходящей выносливости, покорности и трудоспособности темнокожего человека.

Я уже рассказывал подробно об условиях подневольного труда белых в английских колониях до появления черных невольников, чтобы показать, насколько легко и естественно произошел переход от рабства в Африке к рабству в Америке. Но я признаюсь, что этими примерами я иллюстрирую не только этот факт. Важно, чтобы люди моей расы не склонялись к мысли о том, что, поскольку они когда-то были в рабстве, их положение является чем-то исключительным. Чтобы не впасть в уныние, стоит помнить, что другие расы в определенный период своей истории сталкивались с трудностями, не уступающими нашим. В Америке черное рабство пришло на смену белому, и вполне вероятно, что, если бы торговцы не повезли невольников из Африки, система угнетения белых просуществовала бы еще очень долго.

При чтении литературы, посвященной расовым вопросам, мне удалось выяснить любопытный факт: изначально различия между черным и белым человеком проводились не по расе или цвету кожи, а в соответствии с его религиозными убеждениями. Это характерно для того времени, когда людей разделяли по их вероисповеданию, а не по расовой принадлежности. Черные считались язычниками, и закон видел грань между теми, кто был христианином, и теми, кто им не являлся. Например, как гласил закон, ни один христианин не мог стать пожизненным рабом. Белых невольников, попавших в кабалу, обычно называли слугами и таким образом отличали от рабов. Вот что пишет об этом профессор Бассет:

Право порабощать черных основывалось, по-видимому, на том, что они были язычниками. В христианстве считалось, что ни один христианин не имеет права порабощать другого, и как только язычник принял крещение, его больше нельзя держать в качестве раба. В течение долгих лет для черных это значило быть навсегда отлученными от церкви, а в некоторых колониях пришлось принять законы, в которых прямо говорилось о том, что положение раба не меняется, когда его приводят в церковь³⁶.

С другой стороны, поскольку белый слуга был христианином, постепенно установился принцип, согласно которому его могли держать в рабстве только христиане или те, кто придерживался обычаев этой веры. Баллах продолжает:

Таким образом, свободные негры, мулаты или индейцы, даже будучи христианами, не могли держать белых слуг, равно как и неверные – евреи, мавры и магометане. Если белый слуга был продан таким покупателям или его хозяин вступал в брачный союз с ним, он становился свободным³⁷.

Любопытно, что один из первых принятых законов, дискриминирующих черного человека по расовому признаку, отнимал у него право держать белого человека в рабстве.

В Вирджинии и Мэриленде прошло сто пятьдесят лет, прежде чем белое рабство окончательно перешло в черное. В других южных колониях черное невольничество, завезенное из

³⁶ Slavery and Servitude in the Colony of North Carolina. Johns Hopkins University Studies, p. 45 et seq. – Прим. авт.

³⁷ White Servitude in the Colony of Virginia. Johns Hopkins University Studies, p. 63. – Прим. авт.

Вест-Индии, почти с самого начала было единственной формой труда, принятой на плантациях.

В Южной Каролине однажды предприняли попытку восстановить крепостное право, как оно существовало за сто лет до этого в Англии и как оно все еще бытует в Европе. В Джорджии надеялись, запретив рабство, установить систему свободного труда. Но в обоих случаях усилия не увенчались успехом.

Генерал Оглторп, основатель Джорджии, заявил, что невольничество «противоречит учению Евангелия и основному закону Англии», а когда было предложено ввести рабство в колониях, он заявил, что «отказывается допустить столь ужасное преступление». Но в течение пятнадцати лет после основания колонии рабство полностью укоренилось здесь, а закон против него был отменен.

По-видимому, дело заключается в том, что белые слуги, которых компания смогла выписать из Англии, не были приспособлены к жаркому климату. Преподобный Уильям Стивенс, бывший профессор истории в Университете Джорджии, сообщает, что предпринимались попытки завозить белых слуг, но «многие сбежали в Каролину... Даже те, кто имел в услужении немцев, считавшихся образцом трудолюбия и трезвости, жаловались на то, что те были несговорчивы, полны свободомыслия и постоянно пускались в бега».

В одном из документов, описывающих «истинное положение дел в колонии», говорится следующее: болезни в летние месяцы были настолько распространены, что «едва ли половина слуг или рабочих оказывалась в состоянии хоть в чем-то быть полезными своим хозяевам или самим себе, а ежегодно болеющий слуга, вообще говоря, обходился хозяину во столько же, сколько хватило бы на содержание темнокожего в течение четырех лет».

С появлением рисовых плантаций необходимость нанимать африканцев удвоилась. Расчистка земли, посадка и сбор урожая представляли собой настолько трудную задачу для первых поселенцев, что, по словам одного из авторов, «белые слуги исчерпали бы свои силы, расчищая место для собственных могил, и каждая плантация служила бы не более чем могильником для европейских земледельцев»³⁸.

Несомненно, чернокожий человек был привычен к жаркому климату южных штатов и Вест-Индии и выполнял грубую работу, которая требовалась в то время, лучше, чем это делал белый. Даже сегодня в большей части Вест-Индии, во многих частях Южной Америки и в некоторых штатах только темнокожие работают вручную. Но даже при использовании труда представителей этой расы расчистка лесов и посадка сельскохозяйственных культур неизбежно сопровождалась человеческими жертвами.

Темнокожие проделали всю самую сложную работу, позволив другим жить и процветать там, где раньше это было невозможно. Естественно, человеку с темным цветом кожи кажется странным, что итальянцы и выходцы из других стран Европы и Азии сегодня получают приглашения с Юга, приобретая привилегии, которых у него нет. Выполнив столь необходимую и важную для белого человека миссию, темнокожие хотят, чтобы южане относились к ним более доброжелательно, чем к представителям другой расы, которые только начинают приезжать в эту страну после почти трехсот лет заселения ее белыми и черными.

Среди первых колонистов Каролины были выходцы из Моравии и Зальцбурга, которые по религиозным соображениям выступали против рабства. Эти люди некоторое время противостояли искушению использовать невольничий труд. Однако в конце концов глава европейской церкви направил им послание о том, что если они возьмут рабов с целью ввести их в христианскую церковь, то это не только не будет считаться грехом, но и может обернуться благом³⁹.

³⁸ A True and Historical Narrative of the Colony of Georgia, p. 130. – *Прим. авт.*

³⁹ History of Georgia, Stevens, p. 312. Bancroft, Vol. III, p. 448. – *Прим. авт.*

Посетив их общину несколько лет назад, я узнал, что первым крещеным среди моравцев Салема, штат Северная Каролина, стал темнокожий. Моравцы из Салема до сих пор считаются друзьями цветных. Стоит добавить, что, насколько мне известно, моравцы – единственная религиозная секта, миссионеры которой добровольно продали себя в рабство, как это сделали Леонхард Добер и Тобиас Лейпольдт в Санта-Крус в Вест-Индии, чтобы обратить в веру своих братьев-невольников.

Это желание христианизировать африканца и дать ему блага более развитой цивилизации во времена рабства приводилось в качестве оправдания для ввоза чернокожих невольников в эту страну. Вопрос о том, является ли стремление приобщить к цивилизации африканца достаточным оправданием для того, чтобы привезти его в Америку такой ценой, был и остается дискуссионным. Лично я склонен считать, что оно того стоило. Во всяком случае, теперь, когда чернокожий находится здесь, пользуясь всеми достижениями цивилизации белого человека, нет ни одной причины для того, чтобы лишать его этого. Если какая-либо другая раса, кроме англосаксов, и заслужила право жить в этой стране и использовать возможности великой американской нации, то это африканцы.

Тот, кто не изучал экономические условия, в которых жили и трудились первые рабы, не сможет понять, какую огромную услугу оказали темнокожие в те ранние суровые годы. Индейцы, как в Северной, так и в Южной Америке, служили белому человеку, но они не справлялись с этой задачей и погибали вследствие невыносимых условий.

Вот что пишут о ценности негра в Бразилии немецкие историки:

Труд африканца в условиях, которые тогда существовали, был незаменим. С другой стороны, индейцы, будь то рабы или свободные люди, всегда были плохими работниками, в них не было ни стойкости, ни упорства. В Бразилии, на Кубе и в других частях Вест-Индии один темнокожий как работник приравнивался к четырем индейцам⁴⁰.

Получается, что ни в лесах, ни на сахарных, рисовых или хлопковых плантациях белый человек трудиться попросту не мог. Неоднократно предпринимались попытки привлечь таких работников, но ни одна из них не увенчалась успехом.

В своей «Истории Луизианы» Шарль Гаярре⁴¹ упоминает, что около 1718 года Джон Лоу⁴² согласился привезти на эту территорию одну тысячу шестьсот немцев и расселить их на площади в двенадцать квадратных миль, выделенной ему на реке Арканзас. Другие гранты были предоставлены на тех же условиях. В соответствии с условиями гранта Миссисипская компания⁴³, главой которой был Лоу, выслала несколько немецких крестьян, но они вскоре умерли из-за сурового климата. После нескольких подобных попыток было решено обратиться к труду африканских невольников. Торговые суда привезли рабов, которых потом распределили среди населения. К 1728 году в колонии насчитывалось две тысячи шестьсот темнокожих рабов, а земли продолжали расти в цене.

В 1764 году четыреста ссыльных белых невольников поселили в районе, известном как Сент-Николас, Гаити. Но эти люди не выдержали местных природных условий, и их пришлось

⁴⁰ History of Slavery in Cuba, 1511–1868, Herbert H. S. Aimet. – Прим. авт.

⁴¹ Шарль-Этьен Артур Гаярре (1805–1895) – американский историк, политик, автор пьес, эссе и романов. Известен как автор «Истории Луизианы» и как человек, разоблачивший генерала армии США Джеймса Уилкинсона как испанского шпиона.

⁴² Джон Лоу (1671–1729) – шотландский финансист, предложивший Филиппу Орлеанскому заменить монеты банковскими билетами.

⁴³ Миссисипская компания – торговая корпорация, работавшая во французских колониях в Северной Америке и Вест-Индии.

перевезти в Луизиану. Примерно в то же время две тысячи четыреста немцев основали там общину, но их постигла та же участь. Выжившие быстро смешались с темнокожим населением. Говорят, что и сегодня можно встретить потомков тех рабов⁴⁴.

История первой попытки поселить немецких крестьян в Луизиане напоминает мне об интересных фактах, о которых повествует Джордж Вашингтон Кейбл в книге «Странные правдивые истории Луизианы». Случай, о которых пойдет речь, произошли в связи с другой, более поздней волной немецких поселенцев.

В начале прошлого века несколько кораблей с немцами прибыли в Новый Орлеан. Многие из них были уважаемыми людьми, которые сами оплатили свою поездку в Америку. Другие отправились на условиях отработки путевых издержек после того, как они доберутся до места назначения. Путешествие было тяжелым. Болезни унесли много жизней. Однако когда путники прибыли в порт, их продали. По свидетельствам, в неразберихе многие из тех, кто заплатил за дорогу и имел право на свободу, были угнаны в рабство вместе с остальными. Среди пассажиров оказалась маленькая девочка, потерявшая отца и мать по пути в Америку. Она была продана в качестве служанки, и прошли годы, прежде чем друзья семьи получили хоть какие-то сведения о ней. Все это время девочка оставалась рабыней, не помня ни своих родителей, ни времени, когда она была свободной. Она считала себя темнокожей и представлялась «желтой девчонкой». Однако сходство ребенка с матерью было столь велико, что друзья родителей не теряли надежды добиться ее освобождения, и после судебного процесса, длившегося несколько лет, невольницу все же отпустили. Доказать, что прежде она была свободной, оказалось непросто, поскольку многие другие рабы в Луизиане, как и она, имели светлый цвет кожи. По некоторым свидетельствам, у человека, владевшего ею, на плантации было еще несколько белых невольников.

Я упомянул эту историю не только потому, что она представляет собой один из любопытных случаев, произошедших во времена рабства. Это прекрасная иллюстрация того, насколько белое невольничество схоже с черным. Поработив негра, человек не имеет никаких преград перед тем, чтобы сделать то же с белым. Угроза оказаться в таком положении висела не только над черными, но и над всеми, кто умел работать руками.

Поднявшись с колен, темнокожие люди Юга провозгласили новую эру, в которой ценится человеческий труд. Воспитайте темнокожего, закалите его характер, сделайте его полезным работником, и все остальные члены общества поднимутся на новый уровень. Унижайте негра, держите его на привязи, в невежестве и нищете, и большинство будет низвергнуто вместе с ним. Невозможно, чтобы один человек удерживал другого на дне, не погружаясь туда же.

⁴⁴ North America, Reclus, Vol. II, p. 411. – *Прим. авт.*

Глава III

Жизнь человека в рабстве

Год назад дискуссии между белыми и цветными часто были сосредоточены на вопросе о том, кто несет ответственность за рабство в Америке. Некоторые заявляли, что виновником является английское правительство, потому что оно не позволило колониям отменить работорговлю, когда они этого хотели. Другие утверждали, что колонии Новой Англии были так же причастны к этому, как Англия или южные штаты. В качестве аргумента приводился тот факт, что в течение многих лет работорговля велась на кораблях Новой Англии.

Насколько мне известно, виновных сторон три, и все они в равной степени несут ответственность за рабство в Соединенных Штатах. Прежде всего, это сам темнокожий. Не следует забывать, что именно африканцы совершали набеги на соседей, захватывали пленных и везли их на побережье для продажи. Несколько месяцев назад посольство Либерии нанесло визит в Соединенные Штаты. Вице-президент Джеймс Доссен в разговоре признался, что одна из причин, почему его страна не добилась большого прогресса за восемьдесят шесть лет своего существования, связана с тем, что в течение долгого времени маленькое государство вело борьбу с местными работорговцами, которые привыкли отправлять невольников из либерийских портов и не желали отказываться от этой практики. По его словам, только после полного прекращения работорговли Либерия начала развиваться как государство.

Второй стороной, повинной в существовании невольничества, является торговец живым товаром, который поначалу, как правило, был англичанином или белым человеком с Севера Штатов. В колониальный период, например, Ньюпорт служил главной штаб-квартирой работорговли в стране. Одно время там насчитывалось сто пятьдесят судов, занятых в этой сфере. Вплоть до 1860 года основная часть денег северян инвестировалась в работорговлю, а Нью-Йорк был портом, из которого выходило большинство американских невольничьих судов.

Наконец, третий виновник – это белый человек с Юга, который владел невольниками и нес ответственность за рабовладельческий строй. Однако было бы такой же ошибкой полагать, что Юг всегда непоколебимо выступал за рабство, как и то, что Север всегда был твердо против него. Тысячи людей в южных штатах возмущались укоренившимися порядками. Некоторые из них, такие как Джеймс Бирни⁴⁵ из Алабамы, увезли своих невольников на Север, чтобы освободить, а затем стали лидерами в борьбе против угнетения.

Как и при рассмотрении любого другого явления, люди придерживаются разных точек зрения на проблему рабства. Так, существовали документы, наподобие «Кодекса раба», которые регулировали отношения слуги и хозяина и впоследствии положили начало становлению прав человека. Действие подобных законов распространялось на всю территорию Юга, но везде присутствовали свои особенности. На самом деле не только в каждом штате, но и на каждой плантации устанавливались свои собственные порядки. Плантация в определенной степени являлась маленьким государством, и жизнь там была такой, какой ее делали жившие на ней люди. Закон и обычаи регулировали обращение хозяина со своим рабом, но это происходило лишь отчасти. Например, в той части Вирджинии, где жил я, и белые, и цветные с презрением смотрели на человека, имевшего репутацию жадного хозяина, который держит рабов на голодном пайке. Если невольник отправлялся на соседнюю плантацию в поисках еды, то репутация его владельца летела к чертям. В целом, однако, каждая плантация сохраняла суверенитет и один плантатор не спешил вмешиваться в дела другого.

⁴⁵ Джеймс Гиллеспи Бирни (1792–1857) – американский аболиционист, политик и адвокат. Бирни участвовал в публикации еженедельного издания аболиционистов *Philanthropist* и дважды выдвигался кандидатом в президенты от Партии свободы против рабства.

Исследуя законы, которые принимались для урегулирования отношений раба и хозяина, можно сделать вывод о том, что этот институт показал себя с худшей стороны. Из известных мне случаев, рабство никогда не находило столь безоговорочной поддержки, как в решении, вынесенном Верховным судом Северной Каролины в 1829 году. В том деле невольник подал в суд на своего хозяина за то, что тот жестоко избил его. Судья не только оправдал рабовладельца, но и разрешил ему подвергнуть находившегося в его собственности человека любому наказанию, вплоть до смертной казни. Основанием для вынесения этого решения послужило то, что за всю историю рабства невольник никогда не смел идти против своего хозяина. Подобный шаг осуждался, а суд счел неправильным выступить против мнения общества.

В том решении говорилось о том, что неправильно сравнивать отношения раба и хозяина с теми узами, которые связывают отцов и детей. Цель родителя – воспитать ребенка готовым к свободной жизни, для чего необходимо развивать в нем нравственность и интеллектуальные способности. В случае же с рабом дело обстоит иначе. «Нет никакого смысла в том, чтобы обращаться к рабу с нравственными поучениями», – говорилось в решении. Главный судья Руффин из Северной Каролины подытожил свое мнение по этому вопросу следующими словами:

Цель хозяина – прибыль, а также личная и общественная безопасность. Субъект – человек, обреченный своим положением жить без знаний и без права создавать что-либо свое. Он обязан трудиться на благо другого. Какие моральные соображения могут внушаться такому существу? Должен ли он работать ради личного счастья и из чувства естественного долга? Подобное можно ожидать только от того, кто беспрекословно повинуется воле другого. Такое послушание является следствием безусловной власти над телом. Ничто другое не может привести к такому результату. Власть хозяина должна быть абсолютной, чтобы сделать подчинение раба непререкаемым⁴⁶.

Вынося решение, судья Раффин даже не пытался оправдать его моральными соображениями. «Руководствуясь принципами права, – говорит он, – каждый человек должен воспротивиться такому закону, но при существующем положении вещей все должно происходить именно так. Здесь не может быть никаких исключений. Это жестокая реальность не только для рабов, но и для свободной части населения».

Это судебное решение выводит на чистую воду идею, которая всегда лежала в основе рабства, – идею о том, что зло для одного человека является благом для другого. Однако история рабства доказывает как раз обратное: зло порождает зло, так же как болезнь порождает болезнь. Несправедливость по отношению к одной части общества в долгосрочной перспективе обязательно обернется вредом для всех.

Жизнь раба на маленьких плантациях, расположенных на возвышенностях, и на больших плантациях вдоль побережья сильно различалась. Для примера, на плантации, где я родился, в округе Франклин, штат Вирджиния, насколько мне помнится, было всего шесть рабов. Мой хозяин и его сыновья работали бок о бок со своими невольниками. Таким образом, мы росли все вместе, как члены одной большой семьи. Надсмотрщика не было, и мы узнавали своего хозяина, а он – нас. Большие плантации на побережье обычно находились под руководством надсмотрщика. Хозяин и его семья большую часть года находились в отъезде. О личных отношениях между ними вряд ли можно было говорить.

⁴⁶ Slavery in the State of North Carolina, John Spencer Bassett. – *Прим. авт.*

Джон Кэлхун, величайший государственный деятель Южной Каролины, воспитывался на плантации, мало чем отличавшейся от той, где вырос я. Один из биографов рассказывает, как отец Кэлхуна, возвращаясь со службы в законодательном собрании Чарльстона, привез домой молодого африканца. Этого человека недавно доставили с черного континента на каком-то английском или американском судне. Дети в округе и, несомненно, некоторые из пожилых жителей никогда раньше не видели чернокожего. Он был первым цветным, оказавшимся в этой части страны. Патрик Кэлхун нарек раба Адамом и через некоторое время нашел ему жену. Одного из детей чернокожего Адама звали Суони. Он вырос на плантации вместе с Джоном Кэлхуном и много лет оставался его товарищем. Суони дожил до глубокой старости и любил рассказывать о детстве, которое он провел вместе с самим Джоном Кэлхуном. Они вместе охотились и рыбачили, вместе трудились⁴⁷. «Мы работали в поле, – говорил Суони, – и много раз под жарким солнцем бок о бок пахали землю».

О ранней жизни Кэлхуна я узнал из рассказа полковника Пинкни Старка. Этот человек также прекрасно описал все особенности института рабства в том виде, в каком он существовал в той части страны, где ему довелось жить. В тех местах плантатор сам обрабатывал свою землю. Надсмотрщик появился лишь позже, и полковник Старк считает, что «ужасы и несправедливости стали случаться только в тот момент, когда между рабом и хозяином появился посредник». Вот как он рассказывает о жизненном укладе на одной из плантаций:

Недалеко от плантации семьи Кэлхун жил человек, который участвовал в старой войне за свободу. Долгие годы он сам управлял делами плантации, но под конец жизни согласился нанять надсмотрщика. Всякий раз, когда между рабом и его начальником возникали разногласия, хозяин принимал сторону первого и увольнял второго.

В дождливые дни темнокожие женщины пряли хлопок, из которого ткачиха изготавливала ткань, а портниха шила летние вещи для рабов и хозяев. Овец стригли, а шерсть использовали для пошива зимней одежды. Мясо забитого скота съедали, а шкуры дубили, и местный сапожник изготавливал из них обувь.

У хозяина были свои плотники, колесники и кузнецы, а кроме крупного рогатого скота и овец, старый плантатор разводил лошадей и мулов. Он выращивал собственную пшеницу для муки, а также другие зерновые культуры, кукурузу и хлопок. Он дистиллировал собственный бренди из персиков и подслащивал его медом, добытым на личной пасеке. Его рабы были накормлены и одеты, за ними тщательно ухаживали в случае болезни, а в старости они были вольны делать то, что считали нужным.

Там строго порицали прелюбодеяние и разводы были запрещены. Людям разрешали развлекаться по их усмотрению. По воскресеньям все ходили в методистскую церковь⁴⁸, расположенную по соседству, где выступал собственный проповедник. У молодежи было вдоволь музыкальных инструментов, чтобы устраивать танцы.

Незадолго до смерти старик объявил сыну, что оставляет ему в наследство честно нажитое имущество, не обремененное ни одним долларом долга. Семья и друзья собрались у постели этого человека, когда ему настало

⁴⁷ American Historical Assn. Report, Vol. 11, 1899, p. 74 et seq. – *Прим. авт.*

⁴⁸ Методистская церковь – протестантская конфессия, распространенная главным образом в США и Великобритании. Возникла в XVIII веке, отделившись от англиканской церкви с требованием последовательного и методичного соблюдения евангельских предписаний.

время уйти. Простившись с друзьями, он приказал позвать с поля своих рабов, чтобы сказать им последние слова. Когда они пришли, их хозяин был безмолвен и недвижим, но прекрасно осознавал происходящее. Один за другим рабы входили в комнату, брали руку своего умирающего господина и, ласково пожав ее, благодарили этого человека за доброту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.